Асфатуллин С. Г.

ПЕРЕЛОМ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

С. Г. Асфатуллин

Перелом в Отечественной войне 1812 года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43620116
ISBN 9785449653888

Аннотация

Чуть-чуть не попав в плен к русским казакам, к тому же узнав о разгроме авангарда Лефевр-Денуэтта под Медынью и о переходе главной русской армии к Полотняному заводу, Наполеон не решился на новое генеральное сражение и приказал отступать по разоренной смоленской дороге. Доказывается, что именно дни Малоярославецкого и Медынского сражений 12—13 октября являются днями коренного перелома в Отечественной войне 1812 года. То есть фактически перелом произошёл в Калужской губернии.

Содержание

Предисловие 5
Глава 1. Оставление Москвы 8
Глава 2. Тарутинский лагерь 28
Глава 3. Партизанская война в Калужской, Московской и Смоленской губерниях 55
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Перелом в Отечественной войне 1812 года

С. Г. Асфатуллин

© С. Г. Асфатуллин, 2023

ISBN 978-5-4496-5388-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Актуальность темы и необходимость выпуска этой монографии вызваны тем, что авторы общесоюзных и общероссийских учебников истории, почему-то упорно замалчивают факт перелома в войне 1812 г. именно на территории Калужской губернии. У них контрнаступление начинается сразу после Бородинского сражения. В редких случаях, – сразу после оставления Москвы. Без упоминания о восстановлении армии после чудовищных потерь в Бородинском сражении и её укреплении свежими силами в Тарутинском лагере, поднятии духа русского воинства после Тарутинской баталии, ожесточённого Малоярославецкого сражения и оперативного казачьего отпора у Медыни, когда Наполеон понял, что по намеченным плодородным землям России ему уже не пройти.

В богато иллюстрированном труде рассказывается о вынужденном и горьком оставлении Москвы, скрытном Тарутинском марш – манёвре, развёртывании широкой партизанской войны в Калужской, Московской и Смоленской губерниях. Далее об освобождении Москвы и предотвращения взрыва Кремля 11 октября, а также о том, как донские казаки чуть не захватили в плен самого Наполеона между Городнёй и Малоярославцем. И конечно,

о начале изгнания неприятелей из пределов Отечества до 31 октября включительно.

Не сумев пробиться через Малоярославец 12 октября и чуть-чуть не попав в плен к русским казакам 13 октября, к тому же, узнав о разгроме авангарда Лефевр-Денуэтта под Медынью и о переходе Главной русской армии к Полотняному заводу, Наполеон не решился на новое генеральное сражение и приказал отступать по разоренной дороге на Боровск, Верею и далее, к Можайску. Доказывается, что именно 12—13 октября фактически являлись днями коренного перелома в Отечественной войне 1812 года. Произошедшем в Калужской губернии, а не в Московской, как можно подумать, читая общероссийские учебники. А Бородино было жертвенно – героической предпосылкой общей победы.

Вынужденное отступление по полностью разорённой Смоленской дороге значительно ускорило разгром «Великой армии» и сохранило жизни тысяч россиян.

Военная история России показывает новым поколениям, что надо не только помнить, но и делать всё необходимое для укрепления и развития военной мощи нашего государства и дружбы всех народов страны перед лицом вызовов натовских и иных ястребов.

Книга станет хорошим помощникам гражданам Российской Федерации, занимающимся патриотическим воспитанием молодёжи и всего

народа.

Кандидат исторических наук, доцент ***М. Ф. Ломаков***

Глава 1. Оставление Москвы

Наступила роковая минута: совет в Филях. Кутузов объявил общие потери в Бородинском сражении, указал на неудобства немногих оставшихся позиций и напомнил: «Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор останется надежда счастливо довершить войну, но по уничтожении армии, и Москва и Россия потеряны». Затем предложил на разрешение главный вопрос: «Ожидать ли нападения в неудобной позиции или отступить за Москву?» Начались жаркие прения. … Выслушав различные мнения, фельдмаршал закончил заседание следующим решением: «С потерею Москвы не потеряна Россия. Первой обязанностью поставляю сохранить армию и сблизиться с теми войсками, которые идут к нам на подкрепление. Самим уступлением Москвы приготовим мы гибель неприятелю. Из Москвы я намерен идти по Рязанской дороге. Знаю, что ответственность обрушится на мне, но жертвую собой на благо Отечества». Сказав, он встал со стула и присовокупил: «Приказываю отступать»1.

Когда Толь подал мысль стать на Воробьевых горах параллельно Калужской дороге, чтобы избегнуть отступления городом… Кутузов, опровергая его, сказал достопамятные слова: «Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это как на провидение, ибо оно спасёт армию. Наполе-

он подобен быстрому потоку, который мы сейчас не можем остановить. Москва – это губка, которая всосёт его в себя». Эту губку трудно будет ему выжать»2.

Эту дальновидную мудрость Кутузова подтверждает в своих воспоминаниях и Михайловский – Данилевский: «Надобно идти по Московской дороге, сказал князь Кутузов. – Если неприятель и займёт Москву, то он в ней расплывётся, как губка в воде, а я буду свободен действовать, как захочу»3.

Именно так и получилось впоследствии. Даже военный генерал-губернатор Москвы Ростопчин позже признался: «При этом случае он оказал мне большую услугу, не пригласив меня на неожиданный Военный совет; потому-что я тоже высказался бы за отступление, а он стал бы впоследствии ссылаться на моё мнение, для оправдания себя от нареканий за отдачу Москвы»4.

…Артиллерия и обозы стояли недвижимы из-за стеснения на Дорогомиловском мосту. Тогда Милорадович послал лейб-гусарского полка штабс-ротмистра Акинфова сказать Мюрату, что если французы хотят занять Москву невредимою, то не должны наступать быстро и дать нам спокойно выступить из неё со всею артиллерию и обозами; иначе Милорадович перед Москвою и в улицах будет сражаться до последнего человека и вместо Москвы оставит одни развалины. Наполеон утвердил соглашение Мюрата с Милорадовичем и прибыл на Поклонную гору»5.

Вильсон даёт в своём Повествовании подробности: «Милорадович разрушил деревянный мост через Москву-реку, и Мюрату пришлось переправляться вброд. Около двух часов пополудни он вошёл в город и направился к Кремлю, из которого неожиданно началась частая ружейная пальба. Поначалу столь внезапное нападение вызвало изрядное замешательство, но вскоре выяснилось, что сие есть не более, чем отчаянное действие нескольких случайно оставшихся, кои предпочли покорной сдаче неизбежную смерть. На ехавшего впереди Мюрата с фанатичной яростью набросились несколько человек из простонародья. В перехваченном его письме к королеве Неаполитанской он пишет: «Никогда ещё за всю свою жизнь не подвергался я толикой опасности, однако же, к счастию, при мне были два орудия, кои незамедлительно открыли картечный огонь; я был спасён, и нападающие рассеяны. Но один из сих дьяволов набросился на ехавшего верхом инженерного полковника, повалил его наземь, ударил ножом в спину и пытался задушить, вцепившись ещё и зубами ему в шею, пока окружающие не пришли в себя и не выбили ему мозги». Около трёх часов пополудни, также через Дорогомиловское предместье, прибыл Наполеон с гвардией и был немало поражён царившим вокруг безлюдьем. …Терпевших столь долгие лишения солдат невозможно было удержать, и под покровом ночи, вопреки угрозам и наказаниям, в городе начались всякие бесчинства. С наступлением темноты в нескольких кварталах вспыхну-

ли пожары. Почти одновременно запылали десять тысяч лавок на рынке, казённые магазины фуража, вина (тринадцать миллионов кварт), водки, воинских припасов и пороха. Однако Наполеон ещё тешил себя мыслию, что пожары возникли случайно или из-за нарушения дисциплины. Он даже не подозревал о систематических поджогах, задуманных с отчаянной смелостью и исполненных с небывалой в истории неустрашимой отвагой»6.

Служивший тогда в русской армии прусский офицер Карл фон Клаузевиц, ставший после войны весьма известным военным теоретиком, записал: «Французам потребовалось 12 недель для того, чтобы от Ковно дойти до Москвы, что составляет всего только 115 миль; из выступивших из Ковно свыше 280000 человек достигло Москвы не более 90000»7. (Но находясь там, Наполеон подтянул в Москву ещё около 30 тысяч подкреплений – авт.).

Участник большинства событий и первый официальный историограф этой войны Михайловский – Данилевский записал о более ранних событиях, предшествовавших сдаче Москвы: «15 июля по заранее разосланным повесткам дворянство и купечество съехались к 8 часам утра в Слободской дворец. Дворянам был прочитан Манифест, после чего граф Ростопчин, указывая на залу купечества, сказал: «Оттуда польются миллионы, а наше дело выставить ополчение и не щадить себя». Тут же было решено собрать в губернии 80000 ополчения (по 10 человек со ста душ), воору-

жить их и снабдить одеждой и провиантом. …Слёзы навернулись на глазах государя, и его величество написал в тот же день графу Салтыкову: «Приезд мой в Москву имел настоящую пользу. В Смоленске дворянство предложило мне на вооружение 20000 человек, к чему уже тотчас и приступлено. В Москве, одна сия губерния, даёт десятого с каждого имения, что составит до 80000, кроме поступающих охотою из мещан и разночинцев»8.

Барклай де Толли, а потом и Кутузов весьма рассчитывали на огромное число московских ополченцев. Кутузов писал Ростопчину из Гжатска: «Вызов 80000 сверх ополчения, вооружающихся добровольно сынов Отечества, есть черта, доказывающая дух россиянина и доверенность жителей московских к начальнику, их оживляющему. Вы, без сомнения, оный поддержите так, чтобы армия могла …ими воспользоваться, и тогда прошу вас направлять их к Можайску»9. 80 тысяч почти равнялось бы численности русской армии на тот момент.

В ответ же на просьбу Кутузова присоединить к армии кадровые воинские резервы, государь прислал отказ: «О присоединении от князя Лобанова – Ростовского новоформируемых полков, я нахожу оное к исполнению невозможным, по неготовности ещё сих полков, а особливо по необходимости иметь устроенное войско для образования и содержания нового рекрутского набора, …без чего и самый сбор рекрутов учинится невозможным».

И порекомендовал ему задействовать московское ополчение: «Московская сила, с приписанными к ней губерниями, составляет до 80000 человек, кои, не переменяя ни своего предназначения, ни одежды, могут весьма служить в армиях, даже быв размещены при регулярных полках».

Правда, генерал-губернатор Москвы граф Ростопчин в своих «Записках» 1832 г. приводит в разы меньшее число рекрутов, полагающихся с Москвы и Московской губернии: «Десятый человек с населения представлял итог в 32000 человек, снабжённых продовольствием на 3 месяца»10. Кто-то из них явно лукавит… Впрочем, в «Записках» Ростопчина прослеживается его легковесное отношение к тяжёлым хозяйственным вопросам снабжения армии всем необходимым. Так, на стр. 79 написано: «На другой день, в 8 утра, я получил от Кутузова второе письмо, где слегка упомянув о сражении, (будто бы) выигранном накануне, он говорил о своей решимости возобновить бой и умолял меня прислать как можно больше повозок для перевозки раненых, а также сколь возможно более пушечных зарядов и ружейных патронов. Всё это было отправлено к нему в продолжение двух часов времени». За два часа можно успеть организовать и отправить максимум сто повозок, а для громадного числа раненых после Бородина их требовалось почти десять тысяч. В воспоминаниях многих участников отмечено, что тысячи раненых вынуждены были пешком плестись от поля Бородинского сражения до Москвы. Да и рат-

ников, Москва и Московская губерния выставила фактически, только 25834 человека11. Думаю, эти два события и послужило мощным толчком к решению оставить вторую столицу без генерального сражения.

Только всеобщее доверие позволило Кутузову решиться на оставление Москвы без боя, поставив своего императора уже перед фактом. Отступление было столь стремительным, что в городе осталось не вывезенным военного снаряжения на целую армию. Никому другому такого бы не простили.

В 1812 году по предписанию Александра I началось расследование «потери казенного имущества, нашествием неприятеля причиненной». Расследование продолжалось несколько лет и закончилось лишь в 1817 году. Александр I, получив предварительные сведения о потерях артиллерийского имущества, 18 марта 1813 года писал военному министру А. И. Горчакову: «Не мог оставить я без замечания при рассмотрении сих ведомостей, невероятной баззаботливости артиллерийского начальства к сохранению, или даже к истреблению трофеев, бывших в Арсенале, на что не надобно было ни чрезвычайных мер, ни большого времени”12.

Большая часть вины за это лежит, всё же, на генерал-губернаторе Москвы Ф. В. Ростопчине. Он должен был собрать ополчения 80 тысяч человек, помимо добровольцев из мещан и разночинцев. И оружие для них было, а собрал фактически в три раза меньше и, к тому же, побоялся раздать им оружие.

Надо признать, что это неисполнение обязательств генерал-губернатором и послужило дополнительным мощным толчком к принятию Кутузовым очень трудного решения оставить Москву.

Вечером 1 сентября граф Ростопчин получил письмо фельдмаршала: «Неприятель, отделив колонны свои на Звенигород и Боровск, и невыгодное здешнее местоположение вынуждают меня с горестью Москву оставить. Армия идёт на Рязанскую дорогу».

Рано утром 2 (14) -го сентября, оставляя Москву, Ростопчин приказал полицейским сжечь через сутки, по занятию города неприятелем, склады и магазины с продовольствием, фуражом, частью боеприпасов, которые не успевали вывезти. Также Ростопчин распорядился вывезти из Москвы «весь огнегасительный снаряд». Это установили по документам А. Н. Попов, Е. В. Тарле, В. М. Холодковский и привёл в своей книге Н. А. Троицкий: «Тот факт, что все пожарные насосы были вывезены, подтверждают десятки свидетелей – не только французы (А. Коленкур, Е. Лабом, А.-Ж. Бургонь, Л. де Боссе и другие, но и русские. Сам Ростопчин признавался, что он «приказал выехать 2100 пожарникам с 96 пожарными насосами». Такая мера, по справедливому заключению В. М. Холодковского, «говорит сама за себя: лишить город средств защиты от огня – значило готовить его к сожжению»13.

Действительно, Ростопчин придавал такое значение выво-

зу «огнегасительного снаряда», что занял под него и время, и транспорт, бросив при этом громадное количество оружия: 156 орудий (что позволило Наполеону формировать батареи из русских пушек), 74974 ружья, 39846 сабель, 27 119 артиллерийских снарядов, 108 712 штук чугунной дроби и многое другое. По официальным данным, только оружия и боеприпасов осталось в Москве на 2172412 руб.14. Трудно было все это вывезти, легче – уничтожить; проще же всего и полезнее было бы раздать москвичам, вооружить народ, но пойти на это царские чиновники и военачальники не рискнули. Ростопчин доносил: «Жители требуют оружия, и оно готово, но я им вручу его накануне дня, который должен будет решить участь Москвы». Хотя высокомерно и недоверчиво относящийся к простому народу Ростопчин, позже невольно признал его тогдашний патриотический дух: «Бородачи постоянно повторяли одни и те же слова: «Ему (Наполеону) нас не покорить, потому что для этого пришлось бы всех нас перебить»15.

Хуже того. Торопясь увезти «огнегасительный снаряд», царские власти оставили в городе, обреченном на сожжение, более 10 тыс. раненых, из которых большинство погибли от огня, голода и зверств неприятеля. (!) Сам военный генерал-губернатор Москвы граф Ростопчин пишет в своих «Записках»: «Более 20 тысяч человек (раненых – авт.) успело поместиться на подводы, хотя и не без суматохи и споров; прочие последовали за ними пешком. Весь транспорт

двинулся с места около 6 часов утра; но около 2000 больных и тяжелораненых остались на своих кроватях, в ожидании неприятеля и смерти. Из них, по возвращении моём, я только 300 человек застал в живых». Но буквально двумя листами ранее Ростопчин писал: «Я проехал две улицы, и на протяжение ½ лье мне пришлось пробираться промеж двух рядов повозок, переполненных ранеными, и ещё огромная толпа таковых же шла пешком, направляясь к Главному госпиталю. Это было чрезмерное приумножение раненых, потому что в этот же самый день, по рапорту коменданта, число их превышало 36000 человек»16. То есть, всё-таки, не 2 тысячи остались в захваченной Москве, так как 36 тысяч их поступило в один только день, а на подводы поместилось всего 20 тысяч.

«Также остались в Москве 608 старинных русских и 453 турецких и польских трофейных знамён и более 1000 старинных штандартов, значков, булав и других военных доспехов; почти все они сгорели»17. За державу обидно и непростительно, ведь Ростопчин неоднократно требовал от армии генерального сражения под городом, а позднее заявлял, что если придётся, то будет сражаться и в улицах города. Даже подросток мог бы догадаться, что в этих случаях неминуемо возникнут пожары, поэтому всё легко воспламеняющееся, включая старинные знамёна и архивы, надо из города заблаговременно вывезти. Персональную ответственность за это несёт, в первую очередь, наделённый чрезвычай-

ными полномочиями «главнокомандующий в Москве» граф Ростопчин. После него, отчасти, Барклай де Толли, как главный армейский распорядитель эвакуации войск из Москвы.

Сказалась и сословно-феодальная позиция царских властей. Почти все раненые, оставшиеся в Москве, – это «нижние чины», а власти заботились преимущественно о «благородном» сословии: чтобы в Москве «ни один дворянин… не остался» (Кутузов – Александру I 4 (16) сентября 1812 г.) 18. Так раненые солдаты и были оставлены, хотя войска «с негодованием смотрели» на это. «Душу мою раздирал стон раненых, оставляемых во власти неприятеля», – вспоминал А. П. Ермолов19. Ему вторит Карл фон Клаузевиц: «Самое тягостное зрелище представляло множество раненых, которые длинными рядами лежали вдоль домов и тщетно надеялись, что их увезут. Все эти несчастные были обречены на смерть»20. В конце своих «Записок» и Ростопчин, вольно или невольно, вынужден был признать плачевное положение раненых: «не доезжая до моста, я был остановлен кучкой раненых офицеров, человек в десять, идущих пешком. Они уходили из города и остановили меня, чтобы попросить денег, так как у них ничего не было. Я опорожнил свои карманы;…Они благодарили меня со слезами на глазах; да и у меня текли слёзы сострадания и горести при виде искалеченных офицеров, доведённых до испрашивания милости, чтобы не умереть с голоду»21. Если уж раненых офицеров бросили на произвол судьбы, то что говорить о солда-

тах?!

3 сентября Наполеон въехал в Кремль. Но уже «к вечеру Москва была объята пламенем, и пожар приближался к Кремлю, истребляя на пути своём всё, что могло служить на пользу врагу. В ночь над городом носился необыкновенной силы вихрь, который разносил головни на громадные расстояния; жар был так велик, что металлы плавились и, как лава, текли по улицам. Огонь ничего не щадил: гибли сокровища наук и искусства, запасы, древние палаты царей, храмы Божии и жилища частных лиц! 8-го числа пожар начал утихать, а разбой за это время шёл рука об руку с огнём. Шайки Наполеона поступили в Москве хуже, чем монголы и татары во время нашествия своего на Россию. Наполеон, избалованный уже, что столицы всех государств падали беспрекословно пред ним, не мог простить обиды, нанесённой ему Москвой, и в бессильной злобе осыпал русских ругательствами, называя татарами, калмыками и варварами; все французские писатели и журналисты, как эхо, повторяли за своим властелином брань и твердили, что русских необходимо загнать в Азию, очистив от них Европу»22.

Москву, с первых же дней, жгли и сами жители – из патриотических побуждений, по принципу «не доставайся злодею!».

Пожар Москвы. Худ. А. Ф. Смирнов. 1813 г.

Многочисленные французские свидетельства на этот счет, подтверждаются русскими источниками. И. П. Липранди видел и слышал, как москвичи «на каждом переходе, начиная от Боровского перевоза… до Тарутина даже», являлись в расположение русской армии и рассказывали о «сожжении домов своих»23. О том же свидетельствовали Ф. Н. Глинка24. И, главное, сам М. И. Кутузов.

Получив донесение Александр I повелел обнародовать манифест, где были столь же твёрдые мысли: «Не в ту страну зашёл он, где один смелый шаг поражает всех ужасом и пре-

клоняет к стопам его и войска и народ. Россия не привыкла покорствовать, не потерпит порабощения, не предаст законов своих, веры, свободы, имущества. Она с последнею в груди каплею крови станет защищать их… Конец венчает дело»26.

Из письма Наполеона жене Марии Луизе 6 сентября 1812 года из Москвы: «Я не имел представления об этом городе. В нём было пятьсот дворцов, столь же прекрасных, как Елисейский, обставленных французской мебелью с невероятной роскошью, много царских дворцов, казарм, великолепных больниц.

В донесении об оставлении Москвы императору главнокомандующий твёрдо писал: «Вступление неприятеля в Москву не есть ещё покорение России. Напротив того, с войсками, которые успел я спасти, делаю я движение на тульскую дорогу. Сие приведёт меня в состояние защищать город Тулу, где хранится важнейший оружейный завод, и Брянск, в котором столь же важный литейный завод, и прикрывает мне все ресурсы, в обильнейших наших губерниях заготовленные. Всякое другое направление пресекло бы мне оные, равно и связь с армиями Тормасова и Чичагова»25.

Получив донесение Александр I повелел обнародовать манифест, где были столь же твёрдые мысли: «Не в ту страну зашёл он, где один смелый шаг поражает всех ужасом и преклоняет к стопам его и войска и народ. Россия не привыкла покорствовать, не потерпит порабощения, не предаст за-

конов своих, веры, свободы, имущества. Она с последнею в груди каплею крови станет защищать их… Конец венчает дело»26.

План Москвы с указанием районов, сгоревших в 1812 году. 1813. ГИМ.

Из письма Наполеона жене Марии Луизе 6 сентября 1812 года из Москвы: «Я не имел представления об этом городе. В нём было пятьсот дворцов, столь же прекрасных, как

Елисейский, обставленных французской мебелью с невероятной роскошью, много царских дворцов, казарм, великолепных больниц.

Всё исчезло, уже четыре дня огонь пожирает город. Так как все небольшие дома горожан из дерева, они вспыхивают, как спички. Это губернатор и русские, взбешенные тем, что они побеждены, предали огню этот прекрасный город… Эти мерзавцы были даже столь предусмотрительны, что увезли или испортили пожарные насосы»27. Вывоз пожарных труб Ростопчин признаёт: «Самому же обер – полицеймейстеру велел, собрав всех находившихся под его начальством людей, на самом рассвете выйти из Москвы, увозя с собой все 64 пожарные трубы, с их принадлежностями, и отправиться во Владимир. Коменданту и начальнику Московского гарнизонного полка я тоже отдал приказание уходить»28.

В покоренной Москве (Расстрел поджигателей). Худ. В. Верещагин. 1897—1898 гг. ГИМ.

1 Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года. – М.: Захаров. 2004. С. 124, 126.

2 Голицын А. Б. Записка о войне 1812 года. России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года её участников и очевидцев – Ермолова А. П., Волконского С. Г., Шишкова А. С., Голицына А. Б., Акинфова Ф. В. Раевского Н. Н., Глинки Ф. Н., Глинки С. Н., Муравьёва А. Н., Тургенева Н. И., Тучкова П. А., Норова А. С., Граббе П. Х., Булгакова А. Я., Вяземского П. А., Штейн-

геля В. И., Зотова Р. М., Михайловского-данилевского А.И., Чичерина А. В., Давыдова Д. В., Щербатова А. Г., Коновницына П. П., Орлова М. Ф. —М.: Современник. 1988. С. 168—169.

3 Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года. – М.: Захаров. 2004. С. 121.

4 Ростопчин Ф. В. Записки. Тысяча восемьсот двенадцатый год./Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. 2-е издан., стереотип. М.: Гос. Публич. Историч. Б-ка России. 2011. С. 90.

5 Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года. – М.: Захаров. 2004. С. 129, 130.

6 Вильсон Роберт Томас. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонопарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М.: РОССПЭН. 2008. С. 153—154.

7 Клаузевиц Карл. 1812 год. М.: Захаров. 2004. С.100.

8 Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года: Воспоминания. – М.: Захаров. 2004. С. 35—36.

9 Там же, с.106.

10 Ростопчин Ф. В. Записки. Тысяча восемьсот двенадцатый год./Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. 2-е издан., стереотип. М.: Гос. Публич. Историч. Б-ка России. 2011. С. 49.

11 Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года: Воспоминания. – М.: Захаров. 2004. С. 108—109, 76.

12 Кутузов М. И. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1—2. М., 1954—1955. Ч. 2. С. 715—716; Москва в 1812 году. Воспоминания, письма и официаль-

ные документы из собрания отдела письменных источников ГИМа / Отв. ред. к.и. н. А.Д. Яновский. Рук. проекта д. и. н. Ф.А. Петров. Публикация Ф. А. Петрова и М. В. Фалалеевой. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 2012. С. 316 // ГИМ. Ф. 160.Ед. 206. Л. 282—282 об.

13 Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М.: Омега. 2007. С. 315—316. / Коленкур А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М: Госполитиздат. 1943. С. 152; Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Т. 1—3. М., 1912. Т. 1. С. 176, 193, 197; Т. 2. С. 14, 19.

14 Кутузов М. И. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1—2. М., 1954—1955. Ч. 2. С. 715—716.

15 Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года: Воспоминания. – М.: Захаров. 2004. С. 128+ Ростопчин Ф. В. Записки. Тысяча восемьсот двенадцатый год./Сборник Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. 2-е изд., стереотипное. М.: Гос. Публич. Истор. б-ка России. 2011. С. 43.

16-Ростопчин Ф. В. Записки. Тысяча восемьсот двенадцатый год./Сборник Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. 2-е изд., стереотипное. М.: Гос. Публич. Истор. б-ка России. 2011. С. 91, 87.

17 Там же, с. 132./Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812г. Т.1—4.СПб.,1839. Т. 2. С. 331; 25. Т. 4. С. 80; Москва в 1812 году. Воспоминания, письма и официальные документы из собрания отдела письменных источников ГИМа / Отв. ред. к.и. н. А.Д. Яновский. Рук. проекта д. и. н. Ф.А. Петров. Публикация Ф. А. Петрова и М. В. Фалалеевой. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 2012. С. 295—351.

18 Кутузов М. И. Сб. докум. Т. 4. Ч. 1—2. М., 1954—1955. Ч. 1. С. 233.

19 Ермолов А. П. Записки. С приложениями. Ч. 1. М., 1865. С. 214—215.

20 Клаузевиц Карл. 1812 год. М.: Захаров. 2004. С.101.

21 Ростопчин Ф. В. Записки. Тысяча восемьсот двенадцатый год./Сборник Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. 2-е изд., стереотипное. М.: Гос. Публич. Истор. б-ка России. 2011. С. 97.

22 Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года: Воспоминания. – М.,2004. С. 133—134, 138.

23 Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М.: Омега. 2007. С. 319—320. / Коленкур А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М, 1943. С. 149; Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Т. 1—3. М., 1912. Т. 2, С. 20, 25, 33; Segur Ph.-P. Histoire de Napo1ëon et de 1a Grande Armee en 1812. V. 1—2. P., 1842. Т. 2 С. 48.

24 Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1985. С. 185.

25 Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года: Воспоминания. М.: Захаров. 2004. С. 141—142.

26 Там же, с. 143.

27 Наполеон. Письмо жене Марии Луизе 6 сентября 1812 года из Москвы. Великие полководцы: Кутузов и Наполеон. М.: ОЛМА Медиа Групп. 2012. С. 59. Вкладыш.

28 Ростопчин Ф. В. Записки. Тысяча восемьсот двенадцатый год./Сборник Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. 2-е изд., стереотипное. М.: Гос. Публич. Истор. б-ка России. 2011. С. 90.

Глава 2. Тарутинский лагерь Тарутинский марш – манёвр

А. Жомини признавал, что в истории войн с античных времен «то отступление, которое совершила русская армия в 1812 г. от Немана до Москвы… не допустив себя расстроить или частично разбить такому неприятелю, как Наполеон… конечно, должно быть поставлено выше всех прочих» не столько по «стратегическим талантам» генералов, сколько «в отношении удивительной уверенности, стойкости и твердости войск».

Найдя после ранения армию на первом же привале после Москвы, поручик Митаревский Н. Е. записал: «Наша рота, после последней с ней встречи, приняла совсем другой вид, она ещё до Москвы была укомплектована. **Резервными ротами комплектовали действующие.** В нашу роту дали, наместо потерянных, две пушки и два единорога – чистеньких, новеньких, только что выпущенных из арсенала. Переменили попорченные лафеты и колёса, а также помятые ящики. Дали полный комплект людей, лошадей и зарядов; прибавили одного прапорщика. Рота была в совершеннейшей готовности для действия; это меня и товарища моего приятно поразило; только и разницы было, что встречали много незнакомых лиц»1. Свидетельства участников собы-

тий ценны деталями. Иногда одна такая деталь характеризует положение дел в целом роде войск или, даже, в армии. Тут из одного предложения Митаревского сразу видно, что руководство армии успело и преуспело в запасных депо для артиллерии.

Оставив Москву, русские войска отступали почти в таком же порядке, хотя обеспечить его теперь было труднее. С потерей Москвы вся армия пережила нравственный шок, который повлек за собою на время упадок морального духа части войск, рост мародерства и дезертирства. Вот что удостоверил адъютант Кутузова А. И. Михайловский-Данилевский: «Побеги солдат… весьма увеличились после сдачи Москвы… В один день переловили их четыре тысячи». Сам Кутузов 6 (18) сентября уведомлял Тульского, Калужского, Владимирского, Рязанского и Тамбовского губернаторов о том, что «мародерство в армии увеличивается и даже распространилось в губернии от театра войны». В тот же день фельдмаршал с тревогой докладывал царю: «Заботу немалую делает мне мародерство… Принимаются все меры»2. И действительно, меры принимались строжайшие. Кутузов приказал «всех нижних чинов», уличенных в мародерстве, «наказывать на месте самыми жестокими телесными наказаниями»3. Только 9 (21) октября он распорядился 11 мародеров «прогнать шпицрутенами каждого через 1000 человек по 3 раза» и еще 14 – «через 500 человек по 3 раза»4.

В таких условиях, когда приходилось ценой больших уси-

лий поддерживать в армии пошатнувшуюся дисциплину, Кутузов осуществил блестящий Тарутинский маневр. На совете в Филях главнокомандующий приказал «отступить по Рязанской дороге». Со 2 (14) по 5 (17) сентября русская армия так и отступала. Но 5 (17) сентября Кутузов, прикрываясь двумя казачьими полками под командой полковника Ефремова, которые продолжали идти к Рязани, внезапно повернул главные силы армии на запад и к вечеру прибыл в Подольск.

Представитель Великобритании при русской армии генерал Роберт Вильсон восхитился этим отвлекающим манёвром и записал в своём «Повествовании»: «Затем весь арьергард последовал за армией, исключая два казачьих полка, кои оставались на Коломенской дороге, дабы заманивать неприятеля в сём направлении, что и было наилучшим образом исполнено полковником Ефремовым, поелику Себастиани не догадался, что преследует лишь тень, пока не дошёл до Biemel, находящегося более чем в тридцати милях от Москвы"5.

Ординарец Кутузова князь А. Б. Голицын вспомнил в своих «Записках о войне 1812 года», что ещё «в Плоцке мне случилось слышать его рассуждение, почему он решил остановиться на Тарутинской позиции. У него в комнате были Паулуччи, Толь и я: «Помимо расчёта во времени, которое я должен был так или иначе выиграть, мне нельзя было и думать миновать Калугу (там располагались секретные воен-

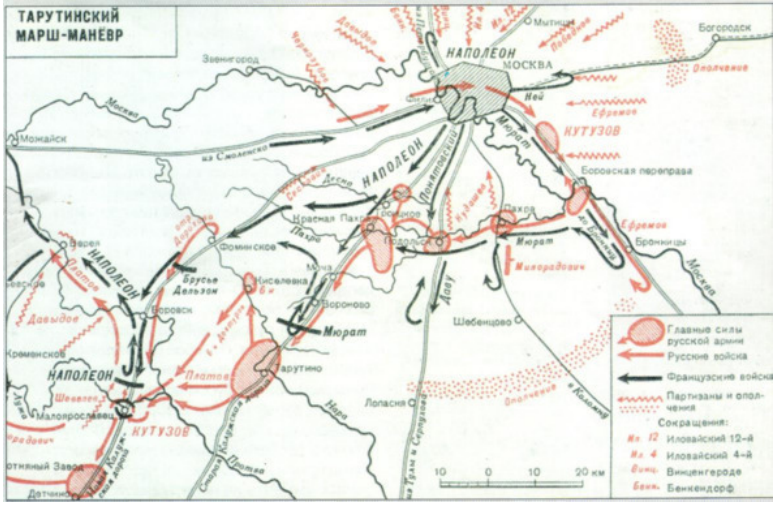
ные склады, заведённые ещё до 1812 года – авт.). Куда это привело бы нас? Мне необходимо было оставаться на месте, чтобы укомплектовать армию и не беспокоить особенно Наполеона»6.

«Двигаясь к Красной Пахре, русская армия 6 сентября пересекла Каширскую дорогу, оставив на ней полк Харитонова 7-го. На следующий день она имела днёвку в Подольске на Серпуховской дороге. Затем войска двинулись дальше, оставив на Серпуховской дороге 1-й Башкирский полк. Корпус Раевского замыкал движение русской армии на марше к Красной Пахре. 8 сентября казачьи полки под командой Балабина 2-го были распределены по дорогам следующим образом: один полк (1-й Башкирский) находился у Подольска на Серпуховской дороге, второй (Харитонова 7-го) – во Фроловском Яме на Каширской дороге, два полка (отряд Ефремова) – на Коломенской дороге. Все казачьи полки поддерживали связь между собой»7.

7 (по другим сведениям 9-го) сентября армия вышла на старую Калужскую дорогу у Красной Пахры. А затем пошла по Калужской дороге на юг и расположилась лагерем у с. Тарутино в 80 км юго-западнее Москвы8.

Как пишет к. и. н. Бессонов В. А. со ссылкой на участника событий Радожицкого: «Остерман-Толстой, прикрывавший дорогу на Чириково, уведомил о концентрации войск на правом фланге, со стороны дороги на Серпухов. На этом направлении 15 сентября русские войска отступили, как пи-

шет Радожицкий, на 5 вёрст и заняли позицию при Немчинове. Боевые действия здесь ограничились столкновениями на передовой линии между конными пикетами. При этом, отмечает Радожицкий, особо отличились башкиры, которым противостояли неприятельские фланкеры. Противоборство между ними продолжалось до самого вечера»9.



Карта движения русской армии от Москвы до Тарутино (Тарутинский марш-манёвр)

Весь этот переход с Рязанской на Калужскую дорогу был проделан большей частью в ночные часы, скрытно и так искусно, что французы на 10 дней потеряли русскую армию

из виду. «Их передовые части под командованием Мюрата до 10 (22) сентября „ничтоже сумняшеся“ шли за казаками по Рязанской дороге, потом – когда увидели, что обмануты, – нервно рыскали по всем окрестным дорогам (взяв на одной из них в плен министра финансов А. Гурьева, который ехал из Киева в Петербург). Лишь 14 (26) -го они „отыскали“ русскую армию на марше ее к Тарутину. Тарутинский маневр Кутузова существенно повлиял ход войны 1812 г. Сие действие, – писал М. Б. Барклай де Толли доставило нам возможность довершить войну совершенным истреблением неприятеля». Даже Наполеон назвал этот маневр «прекрасным». Действительно, с одной стороны, Кутузов прикрыл от неприятеля Калугу, где были сосредоточены провиантские запасы, Тулу с ее оружейным заводом, Брянск с литейным двором и плодородные южные губернии. С другой стороны, он поставил под угрозу флангового удара основную коммуникацию Наполеона Москва – Смоленск»10.

А главное, Наполеон не мог пойти на Петербург, имея в тылу 100-тысячную русскую армию. Зато Кутузову теперь было удобно взаимодействовать с войсками А. П. Тормасова, П. В. Чичагова, Ф. Ф. Эртеля, мобилизовать резервы, готовить контрнаступление. 20 сентября наша армия вступила в Тарутинский лагерь. Милорадович при отступлении подвергся сильным нападениям Мюрата при Воронове и Спас-Купле. 22 сентября Мюрат в третий раз атаковал Милорадовича у Винькова, но также безуспешно и должен был даже

отступить. Милорадович остался на позиции, прикрывая, таким образом, Тарутинский лагерь. Ещё на марше Беннигсен начал требовать нападения на авангард противника, но Кутузов распорядился иначе. Его ординарец Голицын А. Б. отметил: «Выиграть время и усыпить, елико можно долее, Наполеона, не тревожа его из Москвы, – вот чего добивался Кутузов. Всё, что содействовало к цели сей, было им предпочитаемо пустой славе иметь некоторый верх над авангардом»11.

«На подходе к Тарутину князь Кутузов приказом от 16 сентября соединил обе армии в одну и подчинил их Барклаю де Толли; но болезнь и нравственные страдания вынудили его просить об увольнении в отпуск. Одновременно император Александр I повелел соединить Дунайскую и 3-ю Западную армии в одну и подчинить их адмиралу Чичагову. Через три дня Барклай де Толли покинул армию, в которой только что было получено известие о кончине 12 сентября в деревне Симах Владимирской губернии князя Багратиона»12.

Тарутинский лагерь

В Тарутино Кутузов, как видно из его рапорта царю от 23 сентября (5 октября), привел 87035 человек при 622 орудиях. Плюс 28 казачьих полков, то есть еще до 14 тыс. человек, «беспрестанное движение» которых мешало Кутузову подсчитать их с точностью до каждого казака13. Для Тарутинского лагеря была выбрана позиция хотя и доволь-

но тесная, но сильная, с хорошим обзором и естественными укреплениями. Фронт ее прикрывала р. Нара, левый фланг – р. Истья, правый фланг и тыл – высоты, леса, овраги. Кроме того, Кутузов укрепил позицию с фронта семью и справа тремя артиллерийскими батареями14. Беннигсен попытался было разбранить Тарутинскую позицию, но Кутузов не стал его слушать: «Вам нравилась ваша позиция под Фридландом, а я доволен этой, и мы на ней останемся, потому что я здесь командую и отвечаю за все»15.

Армия заняла Тарутино, а Главная квартира заняла Леташевку, 3 км южнее. Леташевка не имела ни помещичьей усадьбы, ни церкви, поэтому высшие чины армии расквартировались более чем скромно: Кутузов – в крестьянском домике, где были оборудованы кабинет, приемная, столовая и спальня; дежурный генерал П. П. Коновницын – по соседству, в курной избе. Один из её обитателей – прапорщик секретной квартирмейстерской канцелярии Главного штаба А. А. Щербинин оставил нам её описанию: «Она была курная или чёрная. Топка печи продолжалась не более часа. В это время густой слой дыма нёсся над головой моей и Коновницына, лежавшего близ дверей в тёмном углу, диагонально против меня. Должно было пережидать дым и потом уже приниматься за работу. Дым выходил в отверстие, закрывавшееся задвижкою по окончанию топки»16. Комендант Главной квартиры С. Х. Ставраков удовольствовался даже овечьим сараем. Весь Тарутинский лагерь «неприступностью

своею походил на крепость». Закрепившись в нем, Кутузов приказал: «Приготовиться к делу, пересмотреть оружия, помнить, что вся Европа и любезное Отечество на нас взирают»17. Эти слова главнокомандующего стали известны каждому солдату и лучше шпицрутенов подняли дух войск.

Впрочем, и морально и материально укрепить армию, подготовить ее к наступлению удалось не сразу. Наполеон говорил: «Переход из оборонительного положения в наступательное – одно из самых трудных действий». Кутузов понимал это не хуже Наполеона. Но ему мешала тьма обычных для феодального режима препятствий, главными из которых были два. Во – первых, недоставало буквально всего (кроме орудий): питания и одежды, боеприпасов и снаряжения, а главное, людских резервов. Во-вторых, затрудняли подготовку контрнаступления местнические интриги лиц, окружавших Кутузова.

Подобно Барклаю де Толли, Кутузов вынужден был терпеть в Главной квартире высокопоставленных оппозиционеров: герцогов Августа Ольденбургского и Александра Вюртембергского, графа Ф. В. Ростопчина, барона И. П. Анштета, английского представителя сэра Р. Вильсона. Они не имели «никаких обязанностей», но пытались «сплотить вокруг себя всех праздношатающихся», брюзжали, осуждали «бездеятельность» фельдмаршала, жаловались на него, как ранее на Барклая, царю. Правда, Ростопчин провел в армии меньше трех недель и уехал.

Зато решительнее стал действовать Л. Л. Беннигсен, фактически возглавивший оппозицию. Но после Бородина Кутузов поставил Беннигсена в двусмысленное положение. Хотя барон сохранял пост начальника Главного штаба армии, он был оттерт от руководства штабом. Став фельдмаршалом, Кутузов учредил при себе должность дежурного генерала и 7 (19) сентября приказал: «…определяю… дежурным генералом генерал – лейтенанта Коновницына, которого отношения по власти от меня делаемые, принимать повеления, как мои собственные»18. Таким образом, П. П. Коновницын, с молодых лет преданный Кутузову, стал фактическим начальником штаба. Беннигсен, оказавшийся не у дел, был уязвлен и взбешен таким оборотом дела.

Теперь он стал вредить Кутузову еще больше, а Вильсон поддерживал его, доказывая, что «Беннигсен – Аннибал в сравнении с Кутузовым»19.

П. П. Коновницын (1764—1822). Худ. Д. Доу.

Очевидец Митаревский Н. Е. так описал Тарутинский лагерь грозного периода осени 1812 года: «Для солдат шили панталоны; офицеры пошили себе: кто шинель, кто – плащ, кто – бурку; шили сапоги, исправляли конскую сбрую;… плотники и кузнецы были в беспрерывной работе; в близлежащих лесах жгли уголь. Солдаты ходили в потертых шинелях и мундирах. Форменных панталон не было, а носили брюки, и белые, и пестрые. Кивера имели под чехла-

ми, и черными, и белыми… – на это не обращали внимания; строго только смотрели за исправностью ружей, зарядов и всякого оружия. Не было блеска, золота и серебра; редко были видны эполеты и шарфы; блестели только ружья, штыки и артиллерийские орудия. Не видно было богатых и модных мундиров, но только бурки, грубого сукна плащи, запачканные, прорванные шинели, измятые фуражки; не видно было изнеженных лиц и утонченного обращения, но все были закалены трудами и дышали мщением. Между солдатами и офицерами не было хвастливых выходок против французов, только при разговорах о них сжимали кулаки и помахивали ими… Таков был общий, не блестящий, но грозный вид Тарутинского лагеря, занимавшего ничтожное пространство в громадной России: но участь всей России заключалось в нем, и, можно сказать, вся Европа обращала на него внимание. И в самом деле, велико было его значение. И страшна была тогда наша армия не числом, но внутренним настроением духа»20. Кутузов написал в Тулу, чтобы не вывозили оттуда на Ижевский завод оружейников и тяжести. А также послал городскому голове Калуги письмо: «Прошу вас успокоить жителей Калуги и уверить, что состояние армии нашей в благонадёжном положении. Силы наши не только сохранены, но и увеличены, и надежда на верное поражение врага нашего никогда не оставляла нас. Истребление сил его, недостаток в продовольствии и совершенная гибель предстоят ему неизбежно, и затем лета мои и любовь к Отечеству

дают мне право требовать вашей доверенности, силою коей уверяю вас, что город Калуга есть и будет в совершенной безопасности»21.

Тарутинский лагерь. Худ. А. Соколов, А. Семенов. 1958 г.

Больше 120 тысяч ополченцев присоединились к регулярным армиям и начали боевые действия уже в Тарутинский период22. Остальные до начала контрнаступления оставались в резерве и выполняли важные охранные функции. «Тульское, Владимирское и Украинское ополчения защищали свои губернии, Калужское – Брянск с его арсеналами, Ярославское и Тверское дорогу на Петербург, Рязанское – на Рязань. С началом контрнаступления вся ополченская армия вместе с регулярными войсками приняла участие в боях. «Сии добрые люди, – писал тогда об ополченцах русский

генерал А Ф. Ланжерон, – дерутся, как черти». Позже один из лучших маршалов Наполеона, Ж. – Б. Бессьер, уважительно отзывался о героизме русских ополченцев, «едва вооруженных и обмундированных», в битве под Малоярославцем.

Пеший казаки и егерь, конный казак, воин и обер-офицер Московского ополчения. Раскраш. литографии по рис. Губарева. Сер. XIX в.

Другой наполеоновский маршал, Л.-Г. Сен-Сир, отмечал, что в корпусе П. Х. Витгенштейна, который 7 (19) октября штурмовал Полоцк, «с наибольшим ожесточением» сражались «бородатые люди», как называли французы ратников ополчения. Денис Давыдов считал, что Витгенштейн «обязан был взятием Полоцка ополчению»23.

Согласно энциклопедии «Отечественная война 1812 года» партизанские отряды впервые применил главнокоман-

дующий 3-й Обсервационной армией ген. А. П. Тормасов. В июле он выслал отряд полковника К. Б. Кнорринга к Брест – Литовску и Белостоку.

Чуть позже, 21 июля (2 августа) М. Б. Барклай де Толли сформировал «летучий корпус» генерала Ф. Ф. Винцингероде. По приказу Тормасова генерал Ф. Ф. Эртель 16 (28) августа выслал к Пинску отряд ген. А. В. Запольского, чтобы «тревожить неприятеля с тылу». Генерал П. Х. Витгенштейн направил 20 августа (1 сент.) к Дриссе отряд полковника М. И. Родионова 2-го, а 29 августа (10 сент.) – отряд подполковника Непейцына24. Напомним, что с июня месяца в подчинении Тормасова в 3-й армии находился 2-й Башкирский казачий полк, под началом Барклая де Толли в 1-й армии – 1-й Тептярский полк. А у Витгенштейна служили 3, 4 и 5 Башкирские казачьи полки. 2-я Западная армия Багратиона, где воевал 1-й Башкирский полк (в летучем казачьем корпусе Платова), в начальный период войны до Смоленска, вся вынуждена была действовать, как один большой партизанский корпус.

Башкирские казаки были хорошо приспособлены для партизанской войны. Генерал Чернов, продолжительное время общавшийся с башкирами, в «Проекте применения правил всеобщей воинской повинности к башкирскому населению» писал: «Башкиры, мещеряки, тептяри и прочие с первой молодости своей не разлучаются с конем. Мальчиками 4-х – 5-ти лет, они уже постоянно ездят верхом… Понятно, что

при таком образе жизни инородцы, сидя верхом, не знают усталости. Нередко можно видеть башкир, скачущих возле экипажей различных властей, проезжающих по землям их, в продолжение 3-х, 4-х перегонов без всякого отдохновения; таким образом, они легко проскакивают по 100 и более верст в течение 6—7 часов. Производя все передвижения верхом, башкир не знает никаких препятствий, могущих остановить его передвижение; реки он переплывает верхом; идучи густым лесом, маленькая лошадка его извивается между деревьями без малейшего затруднения; покатостей, невозможных для подъема или спуска верхом, башкир не признает; где человек пройдет пешком, там уж непременно башкир пройдет верхом. Зато и лошадка башкира вполне отвечает его требованиям: легка, выносliва и бесстрашна, а вместе с тем терпелива и дешева – башкирская лошадка».

Башкиры – жители Южного Урала, опытные и выносливые кавалеристы, привыкшие ездить не только по степи, но и по горам и лесам (и имевшие многовековой опыт пограничной службы – авт.), оказались весьма подходящей силой для пополнения партизанских отрядов, действующих в то время на всех путях, ведущих к Москве. Бесстрашными и находчивыми партизанами проявили себя конники Башкирии в отрядах прославленных героев Отечественной войны Давыдова, Сеславина, Ефремова, Кудашева и других»25. В период подготовки наступления русской армии, башкиры, мишари, тептяри, оренбургские и уральские казаки входили

в состав подвижных конных отрядов, действовавших в тылу наполеоновских войск. Это находит отражение и в калужских, и в общероссийских источниках: «Описание происшествий 1812 года, случившихся в пределах Калужской губернии, или изображение достопамятных деяний, героических подвигов и отечественных пожертвований Калужского дворянства и всех сословий сей губернии, почерпнутое из достоверных известий Надворным Советником, Доктором философии и Калужской гимназии учителем естественной истории, технологии и проч. Григорием Зельницким26: «Все страны обширной России участвовали в сем великом деле. С отдаленных берегов Урала, Волги, Камы, Дона и Днепра стекались в сию губернию различные народы с различными отечественными приношениями, умножали… … армию». «Казалось, что в сем тесном углу губернии (Тарутино) вмещалась целая Россия…» Надо заметить, что как раз ареал расселения башкир тогда простирался от берегов реки Урал до берегов реки Кама включительно.

Об участии других народов в Отечественной войне 1812 года писал и родной брат Федора Глинки («Письма русского офицера»), Сергей Николаевич Глинка (1775—1847). Он – издатель военно-исторического журнала «Русский вестник», ратник Московского ополчения двенадцатого года, автор многих книг той эпохи, в том числе «Записок о 1812 годе».

Вот что пишет он в главе «Тарутино и берега Нары» выше-

указанных Записок: «…Русские войска с различных краев России как будто бы мощной цепью опоясывали полки нашествия; … рассеянные наши отряды и дружины поселян разили неприятеля боем налетным, на берегах Нары расцветала и жизнь войска, и жизнь Отечества». И далее в главе «Общий взгляд на события 1812 года от октября первого до декабря двадцать пятого» добавляет: «С берегов Урала спешат новые полки на берега Двины. Они уже на берегах Волги…… Кудашев действует по Серпуховской и Калужской дороге…… Кутузов твердою ногою стоит на берегах Нары. Вся Россия в движении, в движении и прежних, и новых сил» 27.

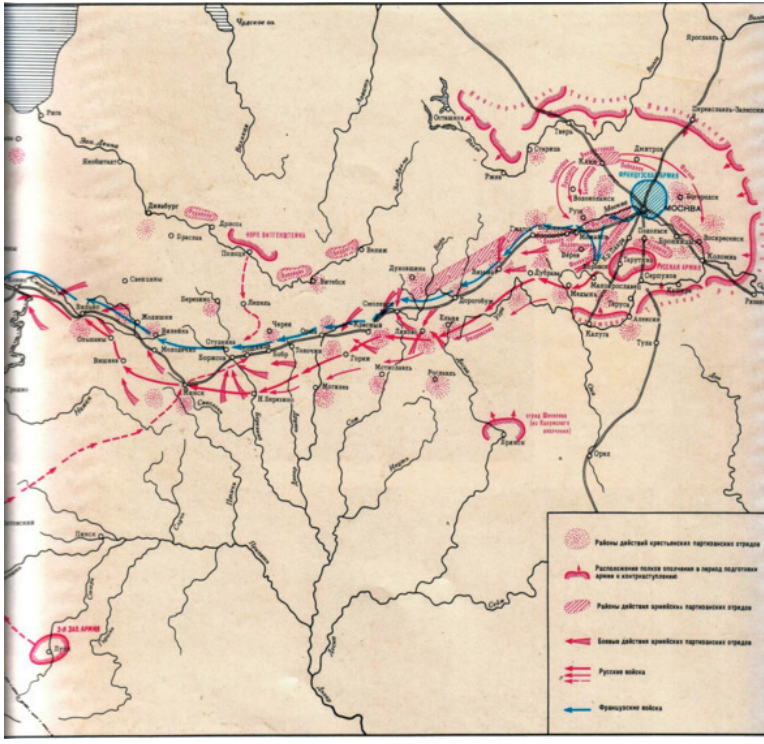
Русская кавалерия (Тарутинский лагерь). Австрийская гравюра. Перв. четв. XIX в. (фрагмент). На переднем плане

слева направо: калмык, крымский татарин, уральский казак, башкир – батыр, башкир, оренбургский казак, уральский казак. Сидят – донской казак и тептяр (авт.).

«…Тарутинский лагерь наш похож был на обширное местечко. Шалаши выстроены были хорошие, и многие из них обратились в землянки. У иных офицеров стояли даже избы в лагере; но от сего пострадало село Тарутино, которое всё почти разобрали на постройки и топливо. На реке завелись бани, по лагерю ходили сбитеньщики, приехавшие из Калуги, а на большой дороге был базар, где постоянно собирались до тысячи человек нижних чинов. Лагерь был очень оживлен. По вечерам во всех концах слышна была музыка и песенники, которые умолкали только с пробитием зори. Ночью обширный стан наш освещался множеством бивуачных огней…» (Из записок Н. Н. Муравьева).

Заняв выгодную позицию у Тарутина, Кутузов получил возможность укомплектовать свою армию, одновременно истребляя завоевателей. **В результате проведенной работы в Тарутино из резервных формирований Лобанова-Ростовского прибыло на укомплектование пехотных полков около 33 тысяч человек. К концу Тарутинского периода Кутузов в течении трех недель увеличил состав конницы более чем в два с половиной раза. Это и обеспечило армии столь необходимую во время наступления подвижность**. То есть, Россия извлекла по-

лезные уроки из поражений в войнах с Наполеоном 1805—1807 гг. И наладила подготовку, обучение и замещение убитых не только в регулярных частях, но и у казаков. Вот яркий пример этому: «Донесение войскового атамана Платова Александру I.



Карта «Действия партизан и контрнаступление в 1812 го-

ду»

26 июня имел я счастие донести вашему величеству о сделанном генерал-майору Денисову-6 предписании о командировании с Дона оставшихся там служилых чиновников и казаков, составя из них сколько будет полков и команд на укомплектование недостающего количества, на место убитых и от ран умерших, в полках и армиях находящихся.

Четыре таковых полка и две команды, числом 830 человек, прибыв с поспешностью к армии в последних числах сентября, по распределению последних на укомплектование полков, в которых ещё недоставало 150 человек, были в сражении с неприятелем 6 числа сего месяца (октября – авт.), при разбитии оного у деревни Спасской и отличили себя при поражении неприятеля, при котором отбито у него 18 пушек (в Тарутинской баталии – авт.) «28. Подобные ремонтные команды и полки требовали и с остальных иррегулярных казачьих войск. Были созданы и артиллерийские резервы, их материальная часть обеспечивалась главным образом Тульским и Ижевским заводами.

Оренбургский генерал-губернатор Г. С. Волконский пишет своей дочери из Оренбурга 2 октября 1812 года: «Многочисленные полки иррегулярных войск отправлены в армию. Все идут с охотою на защиту Отечества»29.

Вторым источником укомплектования действующей армии являлось ополчение. В 16 губерниях был объявлен

набор ополчения. **В середине сентября губернии первого округа выставили 123400 человек, которые находились в непосредственном подчинении Кутузова. 25 тысяч ополчения второго округа пошло на укомплектование корпуса Витгенштейна**.

Готовя наступление, Кутузов развернул «малую» войну. Он так определил свою задачу в письме к Александру I: «При отступлении Главной армии в крепкую Тарутинскую позицию поставил я себе за правило, видя приближающуюся зиму, избегать генерального сражения, напротив того, вести беспрестанную малую войну; для той поставил я десять партизанов на ту ногу, чтобы быть в состоянии отнять все способы у неприятеля, мыслящего в Москве найти в изобилии всякого рода продовольствие. В течение шестинедельного отдыха Главной армии при Тарутине партизаны мои наводили страх и ужас неприятелю, отняв все способы продовольствия"30.

Для проведения этой очень трудной формы войны Кутузов отобрал смелых и энергичных командиров – Давыдова, Сеславина, Кудашева, Победнова, Чернозубова, Фигнера и др. В сентябре действовало: 36 казачьих полков и одна команда, 7 кавалерийских полков, 5 эскадронов и одна команда легкой конной артиллерии, 5 полков пехоты, три сотни егерей и 22 полковых орудия. Из этих частей формировались отдельные отряды. В отряды вливались партизаны из крестьян, которые вооружались по приказу Кутузова. «Прось-

бы сих почтенных крестьян, истинных сынов отечества, удовлетворяются по мере возможности, – писал Кутузов, – и их снабжают ружьями, пистолетами и порохом"31.

Казачьи отряды действовали весьма успешно. Одновременно с этим, казаки так ловко дезориентировали Мюрата и его штаб, что заслужили невольную похвалу даже Наполеона: «он посоветовал бы свои послам быть столь же проницательными и ловкими, как эти дикие казачьи офицеры. … А тем временем другие казаки, менее вежливые или неосведомлённые об уговоре, захватывали лошадей, обозы и всё продовольствие, которое король (неаполитанский Мюрат – авт.) и его штаб выписывали из Москвы. Это сердило короля. Ему обещали удовлетворение…«32.

Адъютант Голицын А. Б. записал для потомства слова Кутузова о Тарутинском лагере: «Каждый день, проведённый нами на этой позиции, был драгоценен для меня и для армии, и мы этим воспользовались»33.

«17 сентября в окрестности Любомля прибыл флигель-адъютант Чернышев и вручил высочайшие рескрипты: Тормасову – о назначении его главнокомандующим 2-й армии вместо князя Багратиона, Чичагову – о назначении его главнокомандующим соединенными 3-й и Дунайской армиями»34.

1 Митаревский Н. Е. Рассказы об Отечественной войне 1812 года./Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. 2-е издан., стереотип.

М.: Гос. Публич. Историч. Б-ка России. 2011. С. 267.

2 Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М.: Омега. 2007. С. 327./ Подробный журнал исходящих бумаг собств. канцелярии главнокомандующего соединенными армиями генерал-фельдмаршала кн. Кутузова-Смоленского в 1812 г. // Труды МО ИРВИО. М, 1912, т.2. С. 19.

3 Кутузов М. И. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1—2. М., 1954—1955. Ч. 1. С. 377—378.

4 Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М.: Омега. 2007. С. 328./ Подробный журнал исходящих бумаг собств. канцелярии главнокомандующего соединенными армиями генерал-фельдмаршала кн. Кутузова-Смоленского в 1812 г. // Труды МО ИРВИО. М, 1912, т.2. С 333.

5 Вильсон Роберт Томас. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонопарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М.: РОССПЭН. 2008. С. 156.

6 Голицын А. Б. Записки о войне 1812 года князя А. Б. Голицына./Военский К. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М.: Гос. публ. ист. б-ка. 2011. С. 197.

7 Сапожников А. И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.; СПб.: Альянс-Архео. 2012. С. 282./Рапорт Н. Н. Раевского А. П. Ермолову от 8 сентября 1812 г.//МВУА. Т. 18. С. 33.

8 Кутузов М. И. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1—2. М., 1954—1955. Ч. 1. С. 221,. С. 331, 335, 339—341.

9 Бессонов В. А. От Красной Пахры до Тарутино: арьергардные бои русской армии./ Отечественная война 1812 года. материалы XV Международной науч-

ной конференции. Можайск. 2009. С. 157.//Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста 1812 г.: Война в России. Киев.1912. С. 81—82.

10 Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М.: Омега. 2007. С. 328—329./ Коленкур А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М, 1943. С. 163; Fain A. Manuscrit de l»an 1812. V. 1—2. P., 1827. Т. 2. С. 96; Барклай де Толли М. Б. Изображение военных действий 1812г. СПб., 1912. С. 38; Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона Т 5. СПб., 1840. С.363.

11 Голицын А. Б. Записки о войне 1812 года князя А. Б. Голицына./Военский К. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М.: Гос. публ. ист. б-ка. 2011. С. 196.

12 Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года. —М.: Захаров. 2004. С. 149, 150.

13 Кутузов М. И. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1—2. М., 1954—1955. Ч. 1 С. 355—361.

14 Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г М., 1962. С. 441; Ермолов А. П. Записки. С приложениями. Ч. 1. М, 1865. С. 219.

15 Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М.: Омега. 2007. С. 330./Военский К. А. Отечественная война 1812 г. в записках современников. СПб, 1911. С. 72—73.

16 Валькович А. М. Вступительная статья «А. А. Щербинин». 1812…Военные дневники. —М.: Сов. Россия, 1990. С. 246—247.

17 Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года. -М.: Захаров. 2004. С. 149./ Описание Отечественной войны 1812г. Т.1—4, СПб., 1839. Т. 3. С. 19.

18 Кутузов М. И. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1—2. М., 1954—1955. Ч. 1. С. 248.

19 Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812—1815). СПб., 1882. С. 247.

20 Митаревский Н. Е. Рассказы об Отечественной войне 1812 года./Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. 2-е издан., стереотип. М.: Гос. Публич. Историч. Б-ка России. 2011. С.276—277.

21 Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года. -М.: Захаров. 2004. С. 148—149.

22 Жилин П А. Гибель наполеоновской армии в России. 2 изд. М.,1974. С. 232.

23 Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М.: Омега. 2007. С. 367.

24 Энциклопедия «Отечественная война 1812 года». М.: РОССПЭН. 2004. С. 548.

25 Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа. 1964. С. 40.

26 Зельницкий Г. Москва. В типограф. Селивановского. 1815. С. 87—88.

27 Мы были дети 1812 года. Воронеж. 1989 г., гл. из «Записок о 1812 годе». С. 182.

28 Курбанов С. У. Партизанская война в 1812 году. М.: Вече. 2012. С. 167—168.

29 Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов и материалов. Уфа: Китап. 2012. С. 41./К чести России. Из частной переписки 1812 года. М., 1988. С. 119, 121.

30 Кутузов М. И. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1—2. М., 1954—1955. Ч. 1. С. 554./РГВИА, ф. 410, д. 693, №235.

31 Там же, док. №498.

32 Арман де Коленкур. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М.: ОГИЗ. Госполитиздат. 1943. С. 163.

33 Голицын А. Б. Записки о войне 1812 года князя А. Б. Голицына./Военский К. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М.: Гос. публ. ист. б-ка. 2011. С. 197.

34 Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года. —М.: Захаров. 2004. С. 169.

Глава 3. Партизанская война в Калужской, Московской и Смоленской губерниях

Еще более активной, чем ополчение, самой действенной формой народной войны 1812 года было партизанское движение. Оно с наибольшей силой воплотило в себе энергию, инициативу, патриотическое «остервенение» русского народа. В 1812 г. армейское партизанское движение и крестьянские охранительные отряды развернулись почти одновременно и развивались параллельно, взаимодействуя друг с другом.

Башкиры были хорошо подготовлены к этой сложной и опасной форме войны. Павел Размахнин писал о них: «Башкирцы, подобно предкам своим, имеют большую склонность к воинским упражнениям. Сия склонность заставляет каждого из них с самого малолетства приучаться ко всем занятиям, необходимым для воина. Они все вообще искусно ездят верхом, большие мастера управлять пикой, стрелять из ружей и особенно из луков. Последнее искусство доведено у башкирцев до такой степени совершенства, что многие из них каждый раз безошибочно попадают стрелою в самые малые предметы, например в воробья, находящегося от них шагах в 100 и далее»1.

«Один из первых армейских партизанских отрядов генерал- майора Ф. Ф. Винценгероде, созданный по указанию М. Б. Барклая де Толли еще 2 августа в Смоленске, насчитывал 1300 человек. Он действовал в тылу и на флангах противника, разведывал его силы, захватывал фуражиров и мародеров, а после Бородина охранял московско – петербургский тракт.

Тем временем Д. В. Давыдов, тогда подполковник Ахтырского гусарского полка 22 августа (3 сентября) при подходе армии к Бородину (кстати, это село Давыдовым и принадлежало) получил от М И Кутузова отряд в 50 гусар и 80 казаков для разведывательных и диверсионных рейдов по тылам врага. **Главным же образом, армейские партизанские отряды, называвшие еще и «партиями», начали создаваться в Тарутине.**

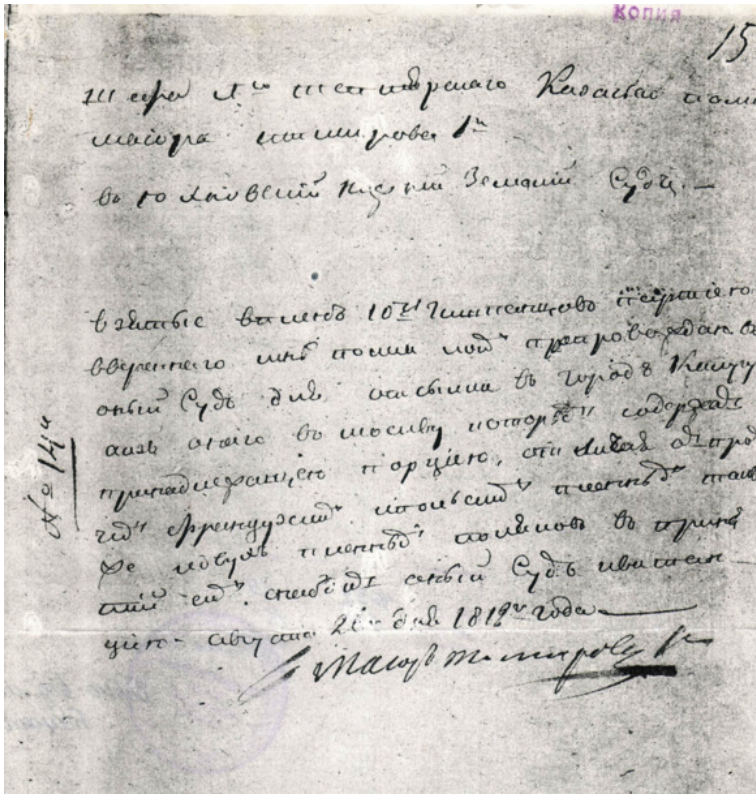
Первым из них был отряд капитана А. С. Фигнера, вторым – капитана А. Н. Сеславина, адъютанта Барклая де Толли, третьим – полковника кн. Н. Д. Кудашева, зятя Кутузова. Всего до начала контрнаступления Кутузов сформировал в Тарутине 10 таких отрядов. Кроме перечисленных это были отряды генерал- майора И. С. Дорохова, полковников И. Ф. Чернозубова, И. Е. Ефремова и кн. И. М. Вадбольского, майоров С. И. Лесовского и В. А. Пренделя, поручика М. А. Фонвизина»2.

9 (21) сентября в рейд на Можайскую дорогу был выслан «летучий корпус» И. С. Дорохова. 16 (28) сентября в тыл

неприятелю направлена партия полковника И. М. Вадбольского, 23 сентября (5 окт.) – партии капитана А. С. Фигнера и поручика М. А. Фонвизина. 26 сентября (8 окт.) послана партия полковника Н. Д. Кудашева, 30 сентября (12 окт.) – партия капитана А. Н. Сеславина. Винценгероде 10 (22) сентября выслал партию майора В. А. Пренделя, 13 (25) сентября – партию полковника А. Х. Бенкендорфа, а 21 сентября (3 окт.) – партию майора Фиглева, затем войскового старшины М. Г. Чернозубова3.

Кордонно – заградительных отрядов из крестьян численно было больше, чем армейских партизан: только на Смоленщине – до 40, общей численностью около 16 тыс. человек. Но армейские партизаны служили организующими и воодушевляющими центрами.

На территории Калужской области и прилегающих районах Московской, Смоленской областей в сентябре-октябре 1812 года действовали минимум два полка армейских партизан из Башкирии: 1-й Башкирский и 1-й Тептярский. 1-й Мишарский полк прямо с марша из Башкирии вступил в Москву и нес гарнизонную службу во второй столице с октября 1812 по 1814 год4. Удалось раскопать, при дружеской подсказке директора Калужского областного краеведческого музея к.и.н В. А. Бессонова, подлинный рапорт майора Тимирова 1-го в Государственном архиве Калужской области. Ниже приводится его факсимильное изображение и расшифровка.



«Шефа 1-го Тептярского казачьего полка майора Тимирова 1-го в Юхновский Нижний Земский Суд.

Взятые в плен 10 гишпанцев партиею вверенного мне полка коих препровождаю в оный Суд для отсылки в город Ка-

лугу а из оного в Москву которых содержать принадлежащею порциею, отличая от прочих французских и польских пленных а также и двух пленных поляков. В принятии сих снабдить оный суд квитанциею. Августа 26 дня 1812-го года.

Майор Тимиров 1-ый"5.

Выясняются несколько любопытных исторических деталей: на сегодняшний день во многих официальных изданиях, включая даже краткую энциклопедию «Башкортостан», фамилия его писалась через «е» – Темиров. Между тем, и в заголовке собственного рапорта, и в последующих рапортах дворянских заседателей, секретарей, городничих, написано через «и» – Тимиров. И это более созвучно башкирскому слову «тими (е) р» – «железо, железный», от которого и произошла его фамилия. Так что правильнее будет писать в будущем: «Тимиров».

Во-вторых, рапорт подписан в день Бородинского сражения. В день Бородинского сражения 1-й Тептярский полк указан в Составе соединенных русских армий при с. Бородино 24—26 августа в подразделе «Иррегулярные войска 1-й Западной армии». И есть письменное свидетельство пребывания тептяр в сражении. «Поручик И. Т. Радожицкий вспоминал, что в день Бородинского сражения он видел на перевязочном пункте раненого «тептярского казака»6. Значит, 4 сотни полка воевали в тот день на Бородинском сражении, а с одной сотней шеф полка Тимиров 1-й, отлично владевший русским делопроизводством, уже партизанил на новом

направлении. (Из-за нехватки казаков в 1-й период войны, их полки зачастую делили на сотни для участия в разных делах – авт.).

К его первичному рапорту далее приложен рапорт земского суда Калужскому гражданскому губернатору П. Н. Каверину с более расширенным содержанием:

«Его превосходительству Господину Тайному Советнику Калужскому Гражданскому Губернатору и кавалеру Павлу Никитичу Каверину Смоленской губернии из Юхновского Земского Суда

РАПОРТ

Пойманные в Юхновском уезде французского неприятельского войска разной нации, семнадцать человек, которые делали жителям здешнего уезда грабежи и совершенное разорение, да один поляк Католицкого Закону Степан Майц с женою его венгеркою Лизою, кой быв при французской армии Майц в польской службе барабанщиком, а жена его в роте прачкою и оставшись от службы больными в Смоленске, а потом следовали с намерением явиться в российское подданство, и по приходе в Юхновский уезд взяты. Да сверх сих представлены в оный суд при отношении 1-го Тептярского казачьего полка майора Тимирова взятые отрядом его в плен десять человек гишпанцев и два поляка. Кой с отношением означенного майора при сем к вашему превосходительству препровождаются на прежнем основании прежде посланных к вашему превосходительству от сего суда рапортов.

№1802. Дворянский заседатель Кар…

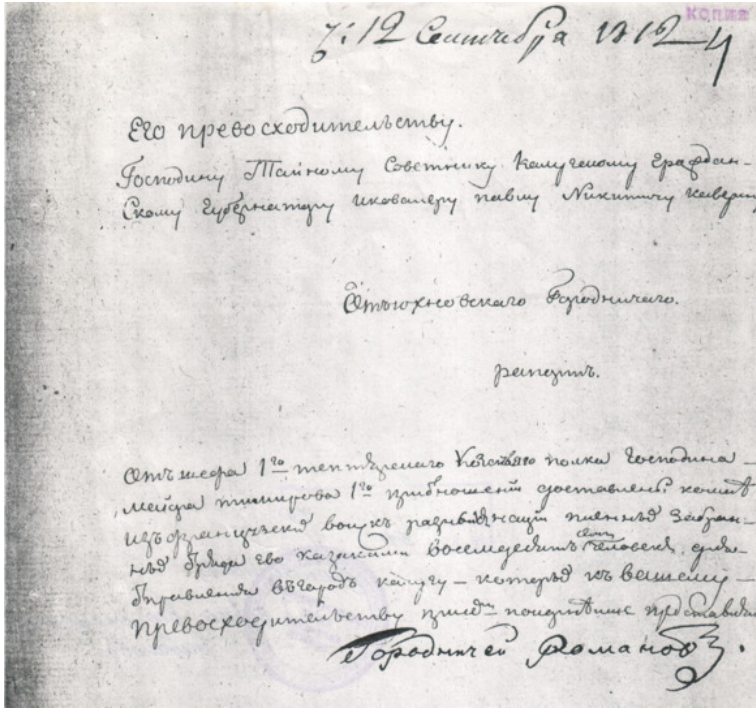
августа 27 дня 1812 года. Секретарь Ахочинский. Коллегской регистратор…«7.

Эти два документа отксерокопированы в государственном архиве Калужской области в деле №510 «Переписка с Мосальским земским судом, Боровским городничим по вопросу о предании суду французских мародеров, пойманных в д. Селище Мосальского уезда», начатом 29 августа 1812 года, оконченном 2 сентября 1812 года. (Юхновский уезд в те времена входил в Смоленскую губернию, но в связи с занятием большей части губернии французами, свободные от них приграничные уезды подчинили Калужскому губернатору – авт.).

«Отряд Тимирова в начале сентября продолжал действовать в Юхновском уезде, наблюдая дорогу из Вязьмы в Калугу. Также он посылал разъезды к Гжатску и Мосальску. К северо-востоку от Тимирова, в с. Скугорево Гжатского уезда с 29 августа расположился отряд Давыдова»8.

В другом деле ГАКО «Переписка с уездными судами Калужской губернии по вопросу о задержании отдельными русскими воинскими частями мародеров французской армии», начатом 12 сентября 1812 года (входящ.) и оконченном 20 сентября 1812 года, найдены еще ряд документов о сдаче Тимировым пленных: от 9 сентября – 87 пленных, от 13 сентября – 51 пленного, от 15-го – 54 пленных, от 16-го – 77 пленных9. Лихо воевал земляк! Первый их этих до-

кументов приводится ниже.



«Вх. 12 сентября 1812 года

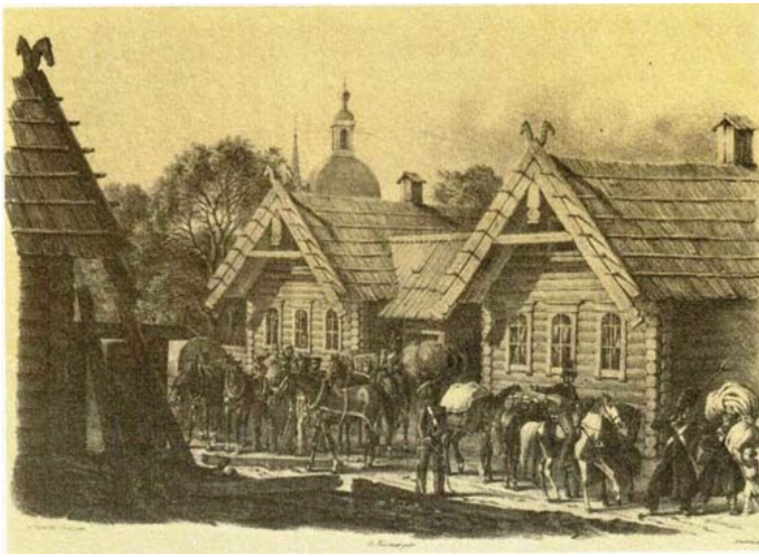
Его превосходительству Господину Тайному Советнику Калугскому Гражданскому Губернатору и кавалеру Павлу Никитичу Каверину От Юхновского городничего

РАПОРТ

От шефа 1-го тептярского Казачьего полка господина майора Тимирова 1-го при отношении доставлены ко мне из французских войск разных наций пленных забранных отряда его казаками восемьдесят семь человек для отправления в город Калугу – которые к вашему превосходительству при сем покорнейше представляю. Городничий Романов, сентября 9-го дня».

В той же папке есть документ от 8 сентября о сдаче Давыдовым пяти пленных и рапорты от других. Речь в этих сопроводительных документах идет только о пленных, а сколько же было убитых?!

«В тот же день (9 сентября) шеф Тептярского полка сообщил генерал-лейтенанту В. Ф. Шепелеву, что его отрядом было убито 87 и в плен взято 98 человек. 13 сентября отрядом Давыдова под Вязьмой было взято в плен 276 человек, «майором Темировым, посланным с особою партиею», убито до 100 неприятелей, захвачено 12 человек и 1 фура. Согласно рапортам Давыдова Шепелеву от 18 сентября и Коновницыну от 21 сентября, партия Тептярского полка, действуя под Вязьмой в отрыве от его основных сил, разбила неприятеля у д. Капустина в 8 км к востоку от Семлево, захватила 44 (125) человек, ящик с пушечными зарядами и, «по приказанию же моему сколь можно менее брать в плен, до 100 человек положил на месте». Давыдов с отрядом в этот день находился в с. Покровское»10.



На большой дороге между Москвой и Можайском 21 сентября 1812 года. Литография И. В. Баумейстера по рис. Фабер дю Фора. 1830-е гг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.